

Шёл третий год войны. Как это страшно долго, и ещё страшнее неизвестность конца её. Каждый, конечно, верил в Победу. Но когда она придёт? Как выживали, люди не понимали сами, не верили сами себе. Казалось, больше не было сил, но они находились в осознании того, что на фронте куда труднее, а мы под мирным небом.

Над нами бомбы не бросали,
И наши дни не сочтены.
Об одном тогда мечтали:
«Лишь бы не было войны!»

И под этим девизом, ради этого делали невозможное. На плечи женщин, стариков и подростков легли все тяготы повседневной жизни. Ведь на фронте — все мужчины, вся техника и лошади даже, а за всех только они. На себе пахали и сеяли, вручную косили, убирали урожай, а на фоне, казалось бы, непосильного труда через подразвёрстку все продукты — для фронта. Сдавалось выращенное и в поле, и на подворье: хлеб, молоко, мясо, яйца... Сами нищету и голод

испытали сполна. Помогли нам в этом и приезжающие с запада эвакуированные и репрессированные, которые чаще всего не имели при себе ничего. Но они такие же люди. Разве могли мы бросить их на вымирание, хотя сами имели только то, что в подполье, и то до весны часто не хватало? Тогда люди переходили на подножный корм (что в лесу): черемша, саранки, медуница, молодые побеги сосны... Запах хлеба давно позабыли, а сладость и в мечтах потерялась.

А как люди были раздавлены морально! Ожидание вестей с фронта, они чаще всего долгожданные или страшные — похоронки. Бывали дни, когда таких известий приходило несколько на нашей улице. Мне тогда казалось: не только в один голос рыдали все сельчане, а плакали даже деревья, опустив печально вниз ветви свои, мрачным становилось небо, и как-то уныло журчала вода в реке. Даже домашние животные затихали, не подавая признаков жизни. Такое чувство испытывала я, когда кого-то провожали на фронт. Правда, сейчас это было редко, так как всех забрали в первый год, а сейчас — когда только кому-либо из мальчишек исполнилось восемнадцать или почти восемнадцать лет.

Особенно запомнились проводы Нади Романовой. Она заканчивала в Канске второй курс медучилища. Как-то ранней весной, приехав к маме, заявила: «Ухожу на фронт!» Для матери это был невыносимый удар: на мужа похоронка пришла ещё в прошлом году, о сыне — второй год никаких вестей, теперь вот Надя...

Тётя Ульяна плакала так, что рыдания её прерывались то каким-то воем, то молчанием. Потом вдруг она встала и непонятно для кого стала громко говорить: «Это что же такое? Девчонка, шестнадцати лет которой нет,— и призывают на фронт. Завтра пойду в райвоенкомат, сообщу, что у меня ещё сын четырнадцатилетний есть и я ещё хожу, пусть и с ними призовут тоже!» Затем села, уставилась в одну точку и стала как вкопанная. Щемящая душу тишина как бы придавила и успокоила всех.

Надя подошла к маме, прижалась к ней и, как взрослая с ребёнком, стала спокойно разговаривать: «Мамочка, миленькая моя, ты же всегда поступаешь умно, но сегодня ты не права. Во-первых, мне не шестнадцать, а семнадцать

будет через месяц, во-вторых, меня не призывают, мы всей группой добровольно идём на фронт, в-третьих, я не бросаю училище, мы по ускоренной программе все заканчиваем четвёртый курс. А с какой иронией ты говоришь обо мне: „Какой из тебя солдат? Ты посмотри на свои габариты! Силёнок-то как у мышонка“. В худобе моей война виновата, а где силы не хватает, злостью к фашистам добавлю и справлюсь. Не переживай, мамочка, я тебя не подведу, ты ещё гордиться мной будешь».

Снова крепко обняли друг друга, и слёзы градом полились, как бы старались заглушить душевную боль. Плакали и соседки, пришедшие к Ульяне накануне приезда Нади. Вдруг она, прерывая рыдание, сказала: «Доченька, да ведь тебя же убить могут!» — и стала целовать её глаза, нос, лоб, красивые русые косы, и... силы покинули. Когда пришла в сознание, постепенно как-то всё утихомирилось, и Надя пояснила: «Что ты, любимая, зарядила: убить, убить! Я же не умирать иду, а помогать солдатам землю нашу от нечисти поганой освободить, а коль и суждено умереть, так за Родину свою. Пусть хотя бы на маленькую толику своим трудом приближу День Победы. Это же счастье великое. Все мы понимаем и верим, что этот день наступит, а чтобы было скорее, надо потерпеть».

Затем Надя съездила в Канск, забрала в медучилище диплом, по пути в Абане — военный билет в военкомате, и через день сельчане провожали её на фронт. Событие это была особенное. Люди как бы смирились с проводами мужа, отца, сына, брата, но чтобы сестру, дочь — это было что-то несовместимое с укладом сегодняшней жизни. Последнее, что сказала, садясь в машину, Надя: «Жди вестей, мамочка! Писать буду всегда, при первой же возможности».

Какими словами передать тревогу матери, напрасно поджидающей почтальона, надеясь получить от него хотя бы маленький фронтовой треугольник? А счёт времени этому пошёл уже на пятую неделю! И наконец-то! Счастью Ульяны предела не было: сразу два — тоненький треугольник и толстое в конверте. Проверила — почерк Надин, и сама доченька как будто рядом с нею стоит. На всю улицу кричит Ульяна спасибо ей, а почтальона целует и обнимает за такую огромную, не вмещающуюся в груди радость. Он стоит как

вкопанный, ибо только он знает, что в сумке лежит похоронка на Надю. «Не буду отдавать сегодня, может, завтра, а может... Пусть поживёт подольше в счастье,— и, отходя от дома, посетовал: — За что меня Бог наказал похоронки разносить?»

Оставшись одна, Ульяна села на крыльцо и стала читать.

«Здравствуйте, милые и любимые мои мамочка и Алёша! Здравствуйте, родные мои! Я жива и вам этого же желаю. Наконец-то появилась такая возможность — написать вам. Сразу попала на линию фронта. Чтобы понять обстановку, в которой живу, опишу один день — вчерашний.

С раннего утра начались бои, и вот уже дело к вечеру, а конца им не видно. От разрывов бомб и снарядов земля горела под ногами, от свиста пуль голова готова на части расколоться, а от гари и копоти, которыми перенасыщен воздух, тяжело дышать.

Двум солдатам сделала перевязку, они продолжали сражаться. Наткнулась на третьего: худенький, небольшого роста. У него отнялись ноги. Выход один — волоком тянуть до землянки. Он, как мог, помогал мне локтями.

Пули оказались для нас человеческими. Душераздирающе свистели над нами, но оставляли нас в покое, как будто понимали: если меня убить, то и он погибнет. Когда неподалёку разрывались бомба или снаряд, я собой прикрывала его тело. В одном из таких моментов он крикнул: „Как зовут тебя, сестричка? Я Сергей!“

К счастью, благополучно дотащила до землянки, а когда Сергея забирали санитары, он поведал: „У меня дома осталась невеста Наташа. Сразу после победы мы поженимся. У нас будет доченька. Назову её Наденькой — в твою честь, сестричка“.

Они ушли, а я продолжала сидеть — тело стало как каменное, и не было сил подняться и идти. Не могла понять, почему я так устала. Ведь из трёх вытащенных мною из пекла этот был самый лёгкий, а устала как никогда.

Вот второй, мамочка, был как наш папа — такой же высокий, седой и тяжёлый такой, что передать невозможно. Он всё время был в бреду и кричал, призывая своих солдат идти вперёд, держать выше знамя.

Разбитую его голову перебинтовала, получился окровавленный шар, так как лишний метр марли, бинта, ваты мы

экономим, боимся — для следующих совсем ничего не останется. И если останавливаемся в населённых пунктах, не занятых фашистами, просим топить бани и всё перестирываем на запас.

Представь себе, миленькая, вот этот свинцовый мешок с окровавленной головой надо тащить до землянки, а это за оврагом в ложбине — так далеко. Попыталась с места стронуть, а он — камень. Я так, мамочка, испугалась, что оставляю здесь умирать его, а сама-то останусь жить. И как? От страха, заливаясь слезами, стала просить о помощи всех, кого только могла: тебя, мамочка, Боженьку, ангелов, этого солдата, чтобы пошевелился немножко, чтобы легче его от земли оторвать. Вспомнила, родная, как ты всегда молилась перед иконами и о чём-то просила Господа, а я долго смеялась над тобой. Прости меня, любимая, за это, прости! А ведь, наверное, эти ангелы, которых ты при расставании просила никогда не покидать меня, и помогли мне. Сначала стронула на сантиметр вправо, потом — влево и чуть-чуть вперёд. И, измеряя этот длинный путь по сантиметрам, дотащила до землянки. А ты говорила, силы во мне как у мышонка. Значит, нашлись, когда очень-очень нужно. Правда, после такого марш-броска я и назавтра подняться не могла — не чувствовала тела своего. Обычно достаточно ночи, чтобы снова силы возвращались к тебе. На сей раз не смогла.

Да, мамочка, я встретила Дусю Котяшову, что жила на Заречной улице, курсом младше меня. Она встретила здесь своего брата, его отправили в госпиталь. Знаешь, любимая, я, когда хожу по полю боя, всегда среди раненых и убитых ищу и нашего Володю. Может, от него есть какие-нибудь вести и вы уже знаете, где он? Напишите мне.

До свидания, родные мои! Крепко обнимаю и целую вас! Живите, будьте здоровы и, как бы ни было трудно, верьте, что каждый прожитый день приближает нас к Победе. Помните об этом всегда. И ещё знай, моя любимая, что ты самая лучшая на свете мамочка! Писем таких подробных навряд ли выпадет возможность писать, но обещаю в маленьком солдатском треугольнике сообщить самую суть моей жизни. Не забудьте учитывать и сложность фронтовых дорог, и, к счастью, мы уже так далеко от дома. С Богом, любимая (с такими словами ты всегда провожала меня)!»

Ночь прошла с каким-то настораживающим затишьем (обычно так бывает перед ожесточённым боем). Плохо спалось. Надя мысленно перечитывала письмо и решила не посылать его маме. Зачем рвать ей душу? Прочтём вместе после Победы.

При слабых признаках рассвета Надя на небольшом листочке написала коротко: «Здравствуйте, родные! Жива! Бьём гадов! С каждым днём приближаем конец этого ада. До скорой той счастливой минуты! Люблю! Целую! Ваша Надя!» И поставила дату: «8.08.1943». Затем аккуратно сложила оба письма (большое — в конверт, маленькое — в треугольник) и спрятала в карман гимнастёрки, подумав: «Первое — до встречи с мамой, второе — для отправки при скорой возможности».

К вечеру бои ослабели, а с наступлением темноты пришла тишина. Медсёстры и санитары прочёсывали поле боя в поисках убитых и раненых наших солдат. Среди таковых была и наша Надя. В кармане её гимнастёрки лежали два письма, их вместе и отправили маме, ещё и похоронку на Надю в село Апано-Ключи Абанского района Красноярского края.

В нашем селе пять улиц, и, наверное, в каждом доме из них было прочитано Надино письмо, будто написанное для всех мам. Однажды в школе на большой перемене читал его директор. Мы все плакали, и учителя тоже. А в нашем музее под большим портретом Нади напечатано это письмо, а внизу — песня о ней (а если не о ней, то о миллионах ей подобных):

Быть может, мне валяться под откосом
С разбитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдёт немецкий кованый сапог.
Но знай, зверюга, что расплата будет,
Твоя могила здесь, проклятый враг.
В твоём Берлине с залпами орудий
Поднимем наш советский красный флаг.